

СТРАНИЦА ИЗ ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ РАССКАЗА «ДАМА С СОБАЧКОЙ»

Сообщение К. М. Виноградовой

Работа над рассказом «Дама с собачкой» почти не нашла отражения в письмах Чехова. Немногие упоминания об этом рассказе относятся лишь к срокам окончания работы и присылки рукописи в редакцию. По этим письмам можно установить, что Чехов работал над рассказом осенью 1899 г. в Ялте. Основная работа шла, по-видимому, в сентябре — октябре 1899 г., а 30 октября рукопись уже была отослана Чеховым В. А. Гольцеву.

В рассказе использованы три записи из записной книжки Чехова. Одна из них, содержащая рассуждения о тайне, очень отдаленно вошла в рассказ своей философской темой. Две другие записи касаются незначительных деталей, не связанных органически с основным сюжетом. Это упоминание о губернаторской дочке в ложе провинциального театра и сравнение кружев на дамском белье с чешуей.

Рассказ «Дама с собачкой» дошел до нас в двух редакциях: первопечатный текст в журнале «Русская мысль» 1899 г., № 12, и позднейший текст 1903 г. (А. П. Чехов. Собрание сочинений, т. XII. СПб., изд. Маркса, 1903). Обе редакции существенно отличаются друг от друга.

Все изменения, осуществленные писателем, углубляют главную мысль рассказа. Даже небольшие текстовые исправления усиливают идейную и художественную значимость рассказа. Наиболее значительная правка произведена Чеховым во второй и третьей главах рассказа. В первой главе сделаны лишь мелкие стилистические изменения.

В общей композиции рассказа, в художественном раскрытии его идейного замысла вторая глава является наиболее значительной. Центральной, глубоко лирической темой проходит в ней тема Анны Сергеевны. Дама с собачкой, с вульгарной лорнеткой в руках (которую она, кстати сказать, теряет в первой же прогулке с Гуровым), становится бесконечно трогательной в своей любви: «От нее веяло чистотой порядочной, наивной, мало жившей женщины» (IX, 361). Гуров же смотрит на свое сближение с Анной Сергеевной как на весьма обычное для него увлечение: спокойно, равнодушно, даже несколько презрительно. Разница в переживаниях героев раскрывается в первом же их серьезном разговоре. Небольшая сценка эта, построенная на контрастах душевного состояния Анны Сергеевны и Гурова, подвергается изменениям при подготовке рассказа для собрания сочинений.

Так, в картину душевного состояния Анны Сергеевны после сближения с Гуровым, данную в журнальном тексте глазами Гурова, Чехов вносит всего лишь два слова: «очень серьезно», которые меняют интонацию этой фразы.

«Анна Сергеевна, эта „дама с собачкой“, к тому, что произошло, отнеслась как-то особенно, *очень серьезно*, точно к своему падению, — так казалось, и это было странно и некстати»*.

* Здесь и в последующих примерах вставки Чехова выделены курсивом; зачеркнутые им части текста даются в прямых скобках.

Перенеся сюда стоявшие в журнальном тексте в следующей фразе слова: «она стала серьезной» и несколько изменив их: «отнеслась... очень серьезно», Чехов подчеркнул глубину переживаний Анны Сергеевны.

Душевному смятению и тревоге Анны Сергеевны противопоставлено в рассказе спокойное, равнодушное, граничащее с пошлостью, поведение Гурова. В тот именно момент, когда Анна Сергеевна «задумалась в унылой позе, точно грешница на старинной картине», Гуров спокойной походкой к столу, на котором был арбуз, отрезает себе ломоть. В позднейшей редакции Чехов добавил еще одну выразительную деталь:

«На столе стоял арбуз. Гуров отрезал себе ломоть и стал есть не спеша. Прошло по крайней мере полчаса в молчании».

Чехов исключает слова Анны Сергеевны: «Это больше никогда не повторится. Клянусь!» — и заменяет их предельно лаконичным восклицанием, которое передает смятение Анны Сергеевны: «Это ужасно».

Существенно изменяется Чеховым разговор Анны Сергеевны с Гуровым. В журнальном тексте Гуров прерывает взволнованную исповедь Анны Сергеевны грубоватыми репликами, в которых сквозит эгоизм самодовольного мужчины, избалованного успехом у женщин, и полное безразличие к душевному состоянию Анны Сергеевны. В позднейшем тексте Чехов сильно сокращает рассказ Анны Сергеевны и целиком исключает все реплики Гурова, обличающие его. После эпизода с арбузом они уже не нужны, так как все уже выражено одной этой деталью. Диалог превращается таким образом в монолог Анны Сергеевны.

Ж у р н а л ь н ы й т е к с т

Вы должны выслушать меня. Я расскажу вам, отчего это произошло.

— Мне ничего не нужно знать, решительно ничего!

— Но позвольте мне рассказать, мне станет легче...

— После, милая! — сказал он и поправил ее волосы. — Зачем делать такое серьезное, умное лицо? Это, извини, даже немножко неумно, потому что не соответствует обстоятельствам.

— Нет, вы должны меня выслушать. Прошу вас. Я вам уже говорила, что я вышла замуж и поехала с мужем в С. Живут же другие в провинции, отчего мне не жить? Но мне С. стал противен с первой же недели: как выгляну в окно, а там серый забор — о боже мой! Ложились в девять часов спать и только развлечения, что в три часа обед, а в девять спать.

Т е к с т с о б р а н и я с о ч и н е н и й

Чем мне оправдаться? Я дурная, низкая женщина, я себя презираю и об оправдании не думаю. Я не мужа обманула, а самое себя. И не сейчас только, а уже давно обманываю.

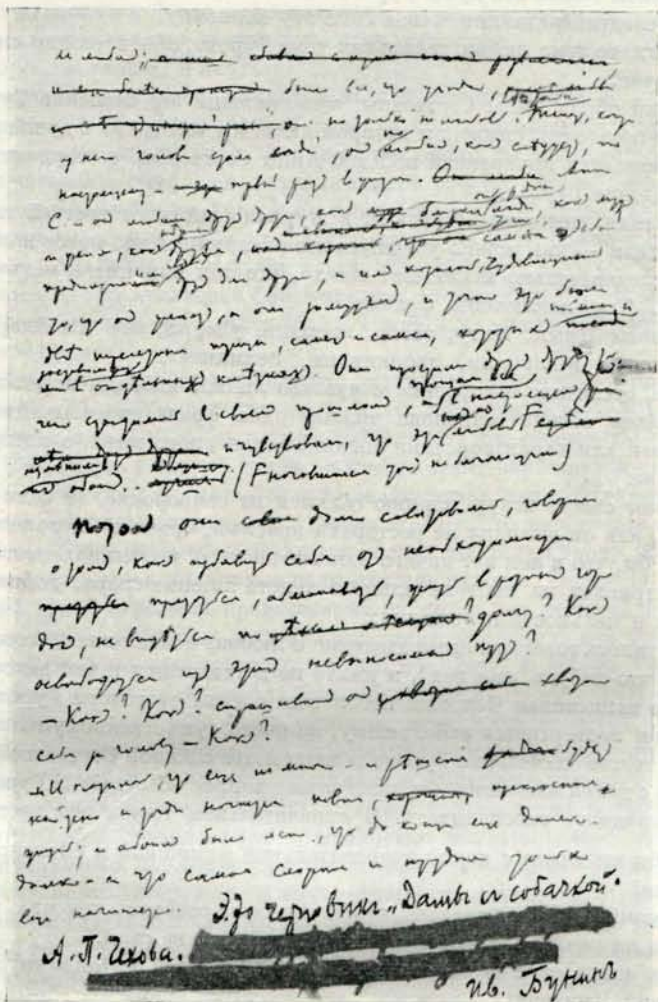
В окончательном тексте Чехов снимает и ту восторженную характеристику, которую дает Гурову Анна Сергеевна. «Я чувствую, вы добрый, вы хороший человек, — говорила она. — Я вас мало знаю, но почему-то вы мне кажетесь таким добрым, порядочным, умным, вы не такой, как все, и поймете меня».

Теперь, после сцены с арбузом, эта характеристика становится неуместной, внутренне не мотивированной. То, что интуитивно уже почувствовала в Гурове Анна Сергеевна, пока еще не ясно читателю. До эпизода с поездкой в Ореанду Чехов оставляет Гурова таким, каким он сам привык воспринимать себя и каким видел его читатель.

Сложный процесс внутреннего пробуждения Гурова, обновленного любовью, наступает позднее, и Чехов с большой психологической тонкостью постепенно раскрывает его перед читателем. Подлинный строй души Гурова раскрывается в поэтической, полной глубокого смысла, поездке Анны Сергеевны и Гурова в Ореанду. Этой прогулкой начинается перелом в мироощущении Гурова. Любовь молодой красивой женщины, картины южной природы, не смолкающий шум моря — все это заставило Гурова задуматься о смысле жизни, о том, «как в сущности все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве» (IX, 363).

Выделенные слова отсутствовали в журнальном тексте.

Все изменения, внесенные Чеховым во вторую главу, направлены к тому, чтобы подчеркнуть значение поездки в Ореанду в раскрытии основной идеи рассказа. Так, Чехов исключает следующий отрывок: «Гуров наслаждался, хотя и сознавал, что эти впечатления ему ни к чему, совсем не нужны, так как его жизнь не была ни прекрасной ни величавой и не было желания, чтобы она когда-нибудь стала такой». Это были мысли

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ РАССКАЗА «ДАМА С СОБАЧКОЙ» (ОСЕНЬ 1899 г.)

Последний лист рукописи. Внизу надпись И. А. Бунина

Литературный музей, Москва

прежнего Гурова, Гурова до встречи с Анной Сергеевной. Теперь же любовь к Анне Сергеевне открывала ему другой мир и тем самым разбудила в нем способность воспринимать прекрасное.

С большой последовательностью Чехов и здесь вычеркивает излишне восторженную характеристику, данную Гурову Анной Сергеевной: «Еще немного и я увлеклась бы вами серьезно. Вы такой хороший, такой милый, чудный, редкий человек. Вас так легко полюбить! Но зачем любовь? Она разбила бы мою жизнь. Любить вас тайком, скрываться от всех — разве это не ужасно».

Глава заканчивается лирическим раздумьем Гурова, возвращающегося после отъезда Анны Сергеевны. Гуров, растроганный и грустный, анализируя свое отношение к Анне Сергеевне, испытывает легкое раскаяние. «Ведь эта молодая женщина, с которой он больше уже никогда не увидится, не была с ним счастлива... она называла его добрым, необыкновенным, возвышенным; очевидно, он казался ей не тем, чем был на самом деле, значит невольно обманывал ее...» (IX; 364).

В журнальном тексте эти думы Гурова заканчивались словами: «и теперь ему было неловко». В последней редакции Чехов снял эту концовку.

В третьей главе тема любви дается как тема Гурова, обновленного своим чувством к Анне Сергеевне.

Поэтический образ Анны Сергеевны, заполнивший все сознание Гурова, сталкивается с миром пошлости, символом которой является «осетрина с душком». Это столкновение заканчивается внутренней победой Анны Сергеевны, ее торжеством — происходит перерождение Гурова.

Все изменения, внесенные Чеховым в журнальный текст третьей главы, направлены к одной цели — как можно убедительнее обнаружить это новое в облике Гурова.

Чехов последовательно исключает все то, что так или иначе мельчит и снижает образ Гурова. Так исключены фразы:

«... он бранил Крым, Ялту, татар, женщин, уверял, что Швейцария лучше».

«... ссорился с жильцами, дворниками, полицией».

«... легкое, беспечное настроение и чувство личной свободы исчезли».

В следующем абзаце оставлена только одна фраза, чрезвычайно лаконичная и выразительная для характеристики того обывательского мира, в который окунулся Гуров в Москве:

«Уже он мог съесть целую порцию селянки на сковородке, [и если бы Анна Сергеевна видела, как он выходил из ресторана красный, мрачный, недовольный, то быть может поняла бы, что в нем нет ничего возвышенного и необыкновенного]».

Чехов устраняет из первоначального текста лишние слова, добиваясь большей сдержанности и цельности изложения:

«И приходилось говорить неопределенно о любви, о женщинах, [говорил он долго, просил спеть что-нибудь, сам пел], и никто не догадывался в чем дело».

Блестяще написанная Чеховым небольшая сценка разговора Гурова с партнером по клубу тоже подвергается небольшому, но очень существенному изменению. В первоначальном тексте сообщение Гурова о знакомстве с Анной Сергеевной встречено его собеседником с долей внимания. Он даже задает вопрос: «Когда?» И Гуров, ободренный вниманием, начинает рассказывать. В окончательном тексте это место вычеркнуто.

— Если бы вы знали с какой очаровательной женщиной я познакомился в Ялте!

[— Когда?

— Этой осенью. Нельзя сказать, чтобы она была особенно красива, но впечатление она произвела на меня неотразимое. Я до сих пор сам не свой.]

Чиновник сел в сани и поехал, но вдруг обернулся и [окликнул] воскликнул:

— Дмитрий Дмитрич!

— Что?

— А давеча вы были правы: осетрина-то [была не свежая!] с душком!

В позднейшем варианте слова Гурова не вызывают даже минутного интереса у собеседника, который весь поглощен сытным ужином. В ответ Гуров слышит лишь оскорбившую его и прозвучавшую таким контрастом его мыслям и чувствам фразу об «осетрине с душком». В журнальном тексте было: «осетрина-то не свежая». Изменяя фразу, Чехов усиливает ее бытовую обывательскую интонацию.

Этот разговор, прежде показавшийся бы Гурову таким обычным, теперь открыл ему глаза на всю пошлость окружающей его жизни. «Какие дикие нравы, какие лица! Что за бесполовые ночи, какие неинтересные, незаметные дни! Неистовая игра в карты, обжорство, пьянство, постоянные разговоры всё об одном» (IX, 366). Дальше в журнальном тексте стояло: «Не хотелось никуда идти, ни о чем говорить. А в ушах раздавались слова: „Осетрина была не свежая!“».

В позднейшей редакции Чехов снял это второе упоминание об осетрине. Оно стало уже лишним. Теперь не только «осетрина», а вся обывательская сущность окружающей действительности начинает давить Гурова. Гуров старается бежать, уйти от этой пошлости. Он, неожиданно для себя самого, едет в С., к Анне Сергеевне, но и там видит ту же серую пошлость: серый, запыленный номер гостиницы, длинный серый забор у дома Анны Сергеевны, серую провинциальную публику в театре с его плохим оркестром и дрянными скрипками. Некоторые фразы этого отрывка подвергаются стилистической правке и становятся более лаконичными:

«[Действительно], как раз против дома тянулся забор».

«Думал [о своей любви] и мечтал».

«Он соображал [о том, что]: сегодня день неприсутственный».

Встретив здесь, в обывательской обстановке провинциального театра, Анну Сергеевну, Гуров впервые «понял ясно, что для него теперь на всем свете нет ближе, дороже и важнее человека; она (<...>) наполняла теперь всю его жизнь, была его горем, радостью, единственным счастьем, какого он теперь желал для себя» (IX, 368). Шумная театральная толпа перестала для него существовать. Он весь отдался этой короткой встрече, и думал: «Господи! К чему эти люди, этот оркестр...».

В журнальном тексте последней фразе предшествовали слова: «Как это мучительно, тягостно!!..». В окончательном тексте Чехов снимает их, устраняя излишнюю аффектацию в мыслях Гурова.

Процесс обновления Гурова передан еще одной деталью, которую писатель настойчиво подчеркивает. Первый раз, когда он, приехав в С., ходил возле дома Анны Сергеевны, «у него вдруг *забилося сердце*, и он от волнения не мог вспомнить, как зовут шпича» (IX, 367). Второй раз в театре, когда он увидел Анну Сергеевну в партере, «*сердце у него сжалось*». И третий раз, когда он и Анна Сергеевна шли «бестолково» по коридорам, по лестнице театра, у Гурова «*сильно билось сердце*». Это забившееся сердце Гурова и было торжеством Анны Сергеевны, было тем новым, что дала Гурову любовь. Пошловатый роман превратился в подлинное человеческое чувство. Большая любовь обыкновенных людей стала огромной нравственной силой, и она помогла Гурову освободиться от той пошлости, которая, подобно ржавчине, отравляла его душу.

Однако авторский замысел рассказа не был исчерпан. В жизни Анны Сергеевны и Гурова назревает новый конфликт: любовь, обогатившая их высокими человеческими чувствами, приходит в столкновение с условной мещанской моралью.

Этот новый конфликт и составляет содержание четвертой, заключительной главы рассказа. Рассказ о любви становится рассказом о сложности жизни, о ее противоречиях. Все лучшее, человеческое — любовь, красота, благородство, возвышенные мысли и чувства — неизбежно сталкиваются с пошлостью обывательского существования, и создается запутанный и сложный узел отношений, из которых трудно найти выход.

В Государственном Литературном музее хранится последняя страница черновой рукописи четвертой главы рассказа «Дама с собачкой». Это страница почтовой бумаги размером 22×14 см. Текст написан на одной стороне черными чернилами, в нем много вставок, зачеркиваний. Рукопись ранее принадлежала И. А. Бунину. В конце страницы его рукой написано: «Это черновик „Дамы с собачкой“ А. П. Чехова». Дальше две строчки тщательно им зачеркнуты и ниже стоит подпись: «Ив. Бунин».

Черновые рукописи художественных произведений Чехова и в особенности рукописи его последних рассказов (кроме полной рукописи рассказа «Невеста») остаются неизвестными, поэтому каждая найденная страница чернового чеховского текста представляет большую ценность. Воспроизводим этот текст:

... не любил; [а лишь сбивал с пути, потом развлекался и все более презирал] было все, что угодно [кроме любви и те из «низшей расы»] <от?> но только не любовь. И только теперь, когда у него голова стала седой, он полюбил, как следует, по-настоящему — [и это] первый раз в жизни. [Они любил(и)] Анна С. и он любили друг друга, как [муж] очень родные близкие люди, как муж и жена, как нежные друзья, [им казалось, что они] [и свыклись как будто] точно сам[ой]а судьба предназнач[ены]ила их

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «ДАМА С СОБАЧКОЙ»

Акварель Кукрыникова, 1945—1946 гг.

Третьяковская галерея, Москва

друг для друга, и им казалось чудовищным то, что он женат, а она замужем, и точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых [посадили] поймали и заставили жить в отдельных клетках. Они простили друг другу то, чего стыдились в своем прошлом, [и] прощали все в настоящем, [жалели друг друга] и чувствовали, что эта [их] их любовь (начавшаяся так неблагополучно) [сделала] изменила их обоих... [лучше] [к лучшему].

Потом они [сове] долго советовались, говорили о том, как избавиться себя от необходимости [прятаться] прятаться, обманывать, жить в разных городах, не видеться по [целым месяцам?] долгу? Как освободиться от этих невыносимых пут?

— Как? Как? спрашивал он, [и хватал себя] хватая себя за голову — Как?

И казалось, что еще немного и решение [далее] будет найдено и тогда начнется новая, [хорошая] прекрасная жизнь; и обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко — и что самое сложное и трудное только еще начинается.

Рукопись наглядно свидетельствует о том, с какой тщательностью писатель работает над образом Гурова, как он выбирает слова и выражения для характеристики Гурова, обновленного любовью к Анне Сергеевне; как настойчиво и последовательно устраняет Чехов в обрисовке Гурова слова и отдельные выражения, уместные для его характеристики в первые дни знакомства с Анной Сергеевной, но уже не соответствующие тому новому Гурову, каким он становится в конце рассказа.

Написанная первоначально в черновой рукописи фраза «а лишь сбивал с пути, потом развлекался», а также мысли о женщинах как о «низшей расе» — то, что было воз-

можно для Гурова до его встречи с Анной Сергеевной, устраняются Чеховым. Позднее Чехов выбрасывает и слова: «и все более презирал».

Чехов подчеркивает значительность чувства Гурова, настойчиво противопоставляя его любовь к Анне Сергеевне многочисленным прежним его увлечениям. Так, в следующем абзаце добавляются слова, усиливающие эту мысль:

«И только теперь, когда у него голова стала седой, он полюбил, как следует, по настоящему — [и это] первый раз в жизни».

Чехов постепенно вводит нужные слова, отвечающие авторскому замыслу.

«[Они любили] Анна С. и он любили друг друга, как [муж] очень родные близкие люди, как муж и жена, как нежные друзья».

Как видно из рукописи, в процессе работы в эту фразу вливаются слова: «родные», «близкие люди», «муж и жена», «нежные друзья».

Работая над продолжением этой фразы, Чехов еще более усиливает свою мысль: [и свыклись, как будто]

[им казалось, что они] точно сам[ой]а судьба предназнач[ены] илиа их друг для друга».

В отработанном виде эта фраза приобрела предельную четкость и лаконизм: «точно сама судьба предназначила их друг для друга».

Значительные в идейном и художественном плане дополнения внесены Чеховым в заключительную часть этой же фразы: «И точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых [посадили] поймали и заставили жить в отдельных клетках».

Первоначальное слово: «посадили» Чехов тут же в рукописи заменяет более сильным и образным: «поймали и заставили жить».

Следующая фраза: «Они простили друг другу то, чего стыдились в своем прошлом [и] прощали все в настоящем [жалели друг друга]».

Слова: «жалели друг друга» исключаются автором, и вся фраза становится более сдержанной, компактной и строгой: «Они простили друг другу то, чего стыдились в своем прошлом, прощали все в настоящем».

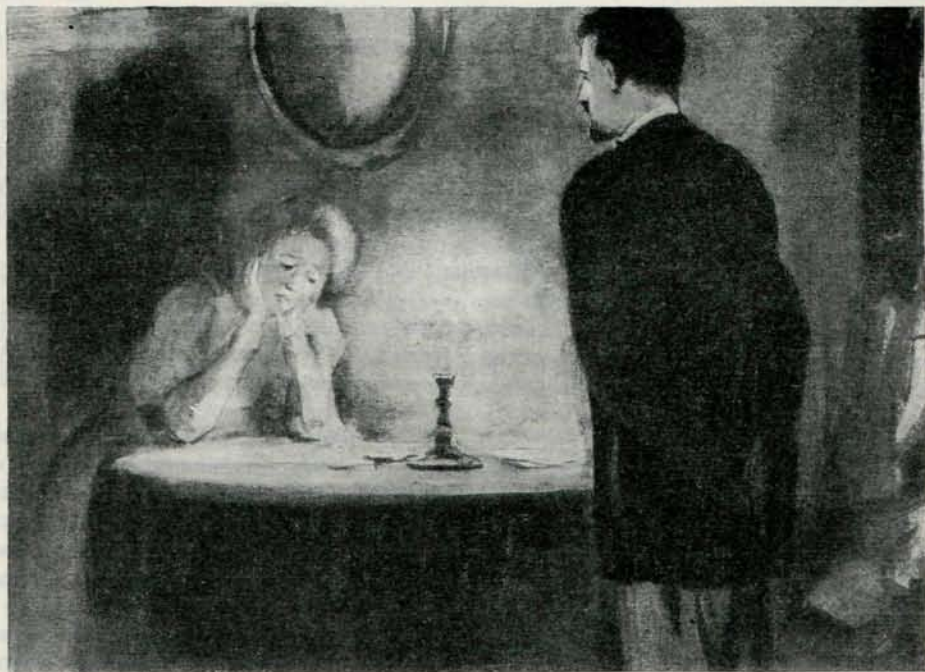

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К РАССКАЗУ «ДАМА С СОБАЧКОЙ»

Акварель Кукурьников, 1945—1946 гг.

Третьяковская галерея, Москва

Не сразу был найден Чеховым и конец этой фразы. Рукопись иллюстрирует эти настойчивые поиски нужного словесного материала.

[их] их изменила

И чувствовали, что эта любовь [начавшаяся так неблагоприятно] [сделала] их
[к лучшему]

обоих... [лучше].

В отработанном тексте эта строка читалась: «И чувствовали, что эта их любовь изменила их обоих».

Считая, что главная задача художника — ставить правильно вопрос, Чехов из первоначальных вариантов чернового текста — «эта любовь сделала их обоих лучше», «изменила их обоих» — оставляет только одну мысль: «изменила их обоих», предоставляя читателю самому сделать заключение.

Раскрывая работу Чехова над последним абзацем рассказа, черновая рукопись показывает, как тщательно Чехов обдумывает конец рассказа, его заключительную интонацию и настойчиво ищет точных слов для выражения своей мысли.

Чехов в процессе работы исключает слово: «дальше», сохраняя более решительную интонацию: «будет найдено». В этой же фразе, характеризуя новую жизнь, Чехов заменяет недостаточно точное слово «хорошая» более сильным определением «прекрасная». В итоге вся фраза зазвучала более утвердительно, весомо: «И казалось, что еще немного и решение будет найдено и тогда начнется новая, прекрасная жизнь».

Посылая рассказ в журнал «Русская мысль», Чехов настойчиво просит В. А. Гольцева о присылке ему корректуры. 30 октября 1899 г. он пишет ему: «Посылаю заказную бандеролью рассказ для „Русской мысли“. Пришли поскорее корректуру, я пошлю его малость» (XVIII, 249).

13 ноября 1899 г. Чехов, возвращая корректуру в редакцию, пишет Гольцеву: «Посылаемое отправь в типографию, и пусть мне пришлют опять корректуру в исправленном виде. Надо еще раз прочесть. Исполни сию мою великую просьбу. Время терпит, так как до декабря или января еще далеко» (XVIII, 258).

Таким образом, Чехов дважды читал корректуру рассказа и вносил в нее исправления.

Сличение страницы черновой рукописи четвертой главы с журнальным текстом позволяет установить два весьма существенных изменения, сделанных Чеховым. Это, во-первых, включение следующего текста: «Прежде, в грустные минуты он успокаивал себя всякими рассуждениями, какие только приходили ему в голову, теперь же ему было не до рассуждений, он чувствовал глубокое сострадание, хотелось быть искренним, нежным...»

— Перестань, моя хорошая,— говорил он.— Поплакала — и будет... Теперь давай поговорим, что-нибудь придумаем».

Включение этих строк идет в том же направлении, в каком осуществлена Чеховым и вся работа над текстом рассказа. Прежний Гуров легко отмахнулся бы пустыми рассуждениями от всяких серьезных переживаний. Теперешнему Гурову, очищенному от пошлости любовью, естественно быть прежде всего человеческим.

Второе изменение касается того места, в котором говорится о том, что он женат, а она замужем. В черновой рукописи эта тема дается как переживания самих героев, от их лица. В журнальный текст вводятся дополнительные слова: «было непонятно».

Редактируя рассказ для собрания сочинений, Чехов снимает слова: «Это было чудовищно», и вся фраза освобождается от элемента личных переживаний героев, она перестает принадлежать только им, а становится одновременно и мыслью самого Чехова, выраженной в мягкой чеховской манере.

Остальной текст этой главы в собрании сочинений сохраняет журнальную редакцию. Очевидно, найденное в процессе работы над черновым текстом словесное воплощение идейного и художественного замысла удовлетворило Чехова-писателя, как это показано выше, весьма существенно переработавшего вторую и третью главы.

Это обстоятельство заставляет с особым вниманием отнестись к публикуемой странице черновой рукописи рассказа.